

РЕЦЕНЗИИ

**И снова Грозный Иван,
или О новой книге американского ученого***А. Ю. Дворниченко, В. В. Шапошник*

Для цитирования: Дворниченко А. Ю., Шапошник В. В. И снова Грозный Иван, или О новой книге американского ученого // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 633–645. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.218>

Изучение эпохи правления первого российского царя — вечная тема исторической науки, объект постоянного внимания со стороны деятелей культуры, особая страница в исторической памяти. Работа в науке над этой тематикой шла и идет столь интенсивно, что в свое время появился термин «грознovedение» применительно к кругу исследований, посвященных Ивану Грозному, его правлению и России под его правлением. Новое крупное исследование на эту тему стало предметом анализа в данной статье. Это работа известного американского русиста Чарльза Гальперина. Историк, занимавшийся изучением творчества Г. В. Вернадского, историей Золотой Орды и многими другими проблемами русской истории, давно интересуется и историей России грозненской эпохи. Книга стала результатом долгих трудов и раздумий ученого над этой тематикой, завершая собой обширный цикл статей, очерков, эссе. Обращает на себя внимание объективный подход, которого придерживается Гальперин, изучая эту, прямо скажем, «наболевшую» тему. Автор прекрасно владеет историографией и источниками по теме. И здесь он, в отличие от многих зарубежных ученых, не отрицает аутентичность важнейших источников той эпохи. Кроме объективного подхода к событиям, процессам и явлениям истории, бросается в глаза обилие новых, свежих и нетривиальных наблюдений, которые чередой проходят по страницам книги и относятся к разным периодам

Андрей Юрьевич Дворниченко — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.dvornichenko@spbu.ru

Andrey Yu. Dvornichenko — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.dvornichenko@spbu.ru

Вячеслав Валентинович Шапошник — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.shaposhnik@spbu.ru

Vyacheslav V. Shaposhnik — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.shaposhnik@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2020

правления Ивана Грозного. В числе таких свежих интерпретаций и феномен опричнины. Царствование Грозного не только ставится в широкий внутренний контекст развития Российского государства, но и постоянно оказывается в русле сравнительно-исторических параллелей. Естественно, не со всеми выводами и наблюдениями Гальперина можно согласиться, но книга получилась очень интересная и неординарная — ценный вклад в изучение одной из сложнейших эпох российской истории.

Ключевые слова: Чарльз Гальперин, историография, источники, Иван Грозный, реформы, опричнина.

And again Ivan the Terrible or about a New Book by the American Scholar

A. Yu. Dvornichenko, V. V. Shaposhnik

For citation: Dvornichenko A. Yu., Shaposhnik V. V. And again Ivan the Terrible or about a New Book by the American Scholar. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, issue 2, pp. 633–645. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.218> (In Russian)

The study of the epoch of the first Russian tsar Ivan the Terrible is an inexhaustible theme for the humanities, the object of constant attention in culture, and a very specific part of a historical memory. There are so many works dedicated to this period that some years ago a new term emerged — “groznovedenie” (the study of Ivan the Terrible) — which is related to exploration of this period of the Russian history. An object of this article is a new book written by a renowned American scholar Charles J. Halperin. He is one of the world’s leading historians of medieval Muscovy. He is also well-known for his works on George Vernadsky, on the history of the Golden Horde as well as on many other complex problems of Russian history. The book summarizes the results of his long-standing research into the epoch of Ivan the Terrible and his contemplation upon the Russian history. The authors of this article stress the unbiased attitude of Charles Halperin to this very complex epoch with its various problems. They point out the American scholar’s perfect knowledge of the Russian and Western historiography, and of a wide range of historical sources. In contrast to some western scholars, Halperin recognizes authenticity of these sources. A notable feature of the book written by Galperin is a variety of new, original and fresh interpretations and conclusions related to all periods of Ivan’s reign, among which there is a phenomenon of the Oprichnina. The historian not only places this period within a wide historical context, but constantly makes many interesting comparative-historical parallels. The authors of the article do not agree with some of Galperin’s ideas and statements, but they are fully confident that this book is a remarkable contribution to “groznovedenie”.

Keywords: Charles J. Halperin, historiography, sources, Ivan the Terrible, reforms, Oprichnina.

Никуда не денешься — есть они вечные темы исторической науки! Одна из них — правление и эпоха Ивана Грозного. Пикантность данной темы в том, что в эту одну из самых кровавых российских эпох (не зря в этом смысле ее сопоставляют с правлением И. В. Сталина) шло интенсивное становление основ последующей российской политической системы. Да и личность самого правителя столь притягательна, что, казалось бы, уже все сказано, все написано, а рука все равно тянется к перу. Российская историография Ивана уже заслужила определения «грознovedения»¹. Это своего рода феномен, а может быть, и лакмусовая бумага, по

¹ Эти термины («грознovedы», «грознovedение») предложила А. Л. Хорошкевич (Хорошкевич А. Л. О Висковатом, его времени и безвременьи // *Russia Mediaevalis*. 2001. Вып. 10. С. 273, 293, 302).

которой можно судить не только о состоянии самого исторического знания в стране, но и о ситуации в России в целом². Да и для западной цивилизации Иван — полноправный член Зала Зла и Стыда, в котором членство с ним делят Нерон, Калигула и ряд других персонажей всемирной истории³. Мрачный образ российского правителя — неисчерпаемый материал для бесконечного созидания нерукотворного (да и рукотворного) грандиозного мифа, живущего в исторической памяти, литературе, искусстве⁴.

Читателю, даже настырному, переварить всю эту информацию нелегко — ведь некоторые авторы уже успели написать по нескольку книжек о Грозном. Кстати, явление это вполне нормальное, важно только стараться коррелировать друг с другом эти труды⁵. Ком литературы о Грозном все растет и растет, иной раз даже трудно определить жанр этой литературы⁶. Для того, чтобы просто помочь читателю в этом плавании по обширному морю, историографическая рефлексия не просто желательна, а необходима...

Перед нами совсем свежий труд об Иване Грозном⁷. Принадлежит он перу, как написано на суперобложке, «одного из ведущих мировых историков средневековой Московии» — Чарльза Гальперина — ныне независимого исследователя, живущего в Блумингтоне (Индиана, США). Сразу отметим, что заслуги американского историка перед русской исторической наукой здесь преуменьшены: Гальперин успешно изучал русскую эмигрантскую историографию: первым стал весьма успешно заниматься творчеством Г. В. Вернадского, историей монгольского нашествия и улуса Джучи, а также многими другими сложными проблемами российской истории. Труды его широко известны, публиковались в российских изданиях, переводились на русский язык. Все его творчество свидетельствует об искреннем и глубоком интересе к нашей истории. И вот теперь Иван Грозный...

Впрочем, сим удивительным персонажем Чарльз Гальперин начал заниматься довольно давно. За данным текстом, который по нынешним представлениям и так не мал, стоят десятки статей, принадлежащих его перу, которые дополняют и развивают положения, изложенные в книге. Так что книгу надо воспринимать именно как плод на этом ветвистом исследовательском «древе» статей, очерков и эссе. Гальперин, судя по всем его предыдущим трудам, — историк, максимально стремящийся к объективности, успешно уходящий от всяких политических, националистических и прочих ангажементов, столь, к сожалению, характерных для исторической литературы. Подобным образом намерен он отнестись и к Ивану Грозному, о чем свидетельствует уже историографическое введение к книге.

² См.: Дворниченко А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010. С. 270.

³ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible. Free to Reward & Free to Punish / ed. by J. Harris. Pittsburgh, 2019. P. 3.

⁴ Ельянов Е. М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель? Исследование проблемы субъективности интерпретаций в истории. М., 2004; Мутья Н. Н. Иван Грозный: Историзм и личность правителя в отечественном искусстве XIX–XX вв. СПб., 2010; Platt K. M. F. Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths. Ithaca, 2011.

⁵ Шапошник В. В. Очередная биография первого русского царя // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 2. С. 786–794.

⁶ См., например: Манягин В. Г. Правда грозного царя. М., 2006; Тюрин А. В. Война и мир Ивана Грозного. М., 2009; Ушаков А. Г. Иван Грозный. Благочестие на крови. М., 2017; и др.

⁷ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible...

Тут уместно отметить высокую историографическую культуру историка. Его труды буквально пронизаны историографией. Американский историк знает русскую историографию (старую и новую), прекрасно в ней ориентируется. Для российского же читателя, желающего узнать больше о западной историографии, американской и не только, книга может стать настоящим кладом сведений. Правда, наш первый царь, как принято говорить, — тема столь «намоленная», что всех, кто писал о нем, учесть трудно. Хотелось бы услышать мнение Чарльза Гальперина о труде, который написала Исабель де Мадариага, уже переведенном на русский язык⁸, или о неоднозначно встреченной в научной среде работе И. Я. Фроянова⁹. Впрочем, книга Гальперина — не историографическое исследование, и дело автора, о каких работах говорить, а о каких — нет.

Но вернемся к его объективности. Ее степень достигает таких высот, что в результате историографического анализа историк приходит к знаменательному выводу: стереотипная мысль о том, что Грозный хуже самого плохого нерусского правителя, потому что русские хуже всех остальных народов, должна быть отброшена¹⁰. Золотые слова! Разве германский народ ответственен за то, что на его почве вырос фюрер? А даже если и не фюреров брать: какую ответственность несет, например, народ, породивший Ибсена и Грига, если потом в тех же пенатах появился Брейвик? Гальперин тем временем продолжает свой поход за объективностью, высказывая мысль не менее убедительную о том, что Иван весьма напоминает многих правителей своего времени, живших совсем в других странах. Они также любили отыграться на своих подданных. Конечно, то, что Иван Грозный не лучше других и не хуже, — отнюдь не повод его идеализировать¹¹. Да и вообще, может быть, стоит уже вывести русского царя из этой системы координат «плохой — хороший» и дать ему объективную оценку, разобравшись в причинах его деяний? Но для этого его надо воспринимать в контексте не только царствования, но и самого царства. Это, собственно, особенность всех трудов о Грозном, в том числе и труда Гальперина: биографические труды пишутся не только об этом царе непосредственно, но и о государстве в его правление. А контекст, в свою очередь, снимает вопрос о сумасшествии Ивана¹². Не считает Чарльз Гальперин нашего первого царя сумасшедшим — и это нам тоже нравится, а то ведь такое предвзятое обвинение многим российским правителям можно предъявить (да и не только российским).

Еще один важный момент обозначает исследователь в начале своего труда — источниковедческий. Он справедливо сетует на сложную ситуацию с источниками, по которым можно восстановить и историю царства, и характер царствования. Исчезает в 1567 г. «центральная» летопись, и ее не могут компенсировать локальные. Касательно других источников давно идут споры об их аутентичности. И вот здесь Гальперин занимает жесткую и, на наш взгляд, вполне правильную позицию. Он не согласен с теми, кто подвергает сомнению такие знаковые для понимания эпохи источники, как переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского¹³. Такой подход

⁸ Мадариага И. де. Иван Грозный. Первый русский царь. М., 2007.

⁹ Фроянов И. Я. Драма русской истории: На путях к опричнине. М., 2007.

¹⁰ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 5.

¹¹ См. также: Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 166 (If Ivan's actions were no worse than those of other rulers, neither were they better than them).

¹² Ibid. P. 7.

¹³ Ibid. P. 8.

не может нам, русским историкам, не импонировать. Один из авторов этих строк хорошо помнит, как выдающийся советский, ленинградский историк Руслан Григорьевич Скрынников¹⁴ самоотверженно сражался, отстаивая аутентичность этой переписки¹⁵. Сколько он нам, студентам, поведал в те далекие 1970-е гг. об этих сюжетах! И уже тогда, в «эпоху застоя», когда все старались свести к идеологической борьбе между «социализмом» и «капитализмом» (в том числе и в области исторической науки), мы понимали, что никакая это не идеологическая (в своей основе), а глубоко научная проблема. А потом и западные историки стали поддерживать Р. Г. Скрынникова. Теперь в их числе и Чарльз Джером Гальперин.

И еще одна важная мысль во введении: царь не только создал впечатление о себе, но и оказал реальное влияние на своих современников и потомков. Многое из того, что было сделано в его правление, продолжало жить и в дальнейшем. Звучит вполне убедительно, хотя с этим спорят. Но ведь спорят и с тем, оказали ли влияние на последующую историю Петровские реформы...

Дальнейшее изложение подтверждает идеи, высказанные во введении, и при этом содержит много новых, свежих и интересных (хотя и не всегда бесспорных) положений. Сначала историк дает краткий обзор состояния Государства московского в 1533 г., хотя данный хронологический репер в этом случае имеет сугубо условное значение. Рассмотрение внешнеполитического и внутривнутриполитического (политической структуры и политической культуры, бюрократических институтов и бюрократии, централизации) нужно историку главным образом для того, чтобы сделать выводы о характере взаимоотношений между государством и обществом в России в то время. По мнению Гальперина, представление о всеильном и всеохватном контроле государства над обществом нуждается в корректировке. Государство не могло так доминировать над обществом хотя бы потому, что для этого у него не было соответствующих сил и средств. Теория об автократии Ивана сильно преувеличена, ему приходилось советоваться со знатью¹⁶.

Следующая глава «Мир юного Ивана» традиционно посвящена мятежному детству будущего царя. Речь, естественно, заходит о боярских «крамолах», о политическом кризисе, который переживала Россия в это время. Нам импонирует взвешенный подход Гальперина к этой проблеме. В последние десятилетия была высказана мысль о том, что кризиса, собственно, и не было; Боярская дума, как глубокое море, могла успокоить волны боярских крамол¹⁷. Однако масштабы кризиса не стоит преуменьшать — в условиях политической нестабильности государственный аппарат работал гораздо менее эффективно, чем раньше¹⁸. Первые лица в окружении великого князя, которые время от времени менялись в результате государственных переворотов, не могли не влиять на изменения в политическом курсе. Но, несмотря на это, водораздел между периодом раннего детства Ивана

¹⁴ Кстати говоря, Чарльз Гальперин очень высоко оценивает творчество этого историка. См., например: *Halperin Ch. J. Ivan the Terrible...* P. 254–255.

¹⁵ Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Киннана. Л., 1973.

¹⁶ Эти интересные наблюдения автор развивает в отдельных работах: *Halperin Ch. J.*: 1) *Ivan IV as Autocrat (samoderzhets)* // *Cahiers du monde russe*. 2014. Т. 55. P. 197–213; 2) *Ivan IV Consults his Elite Subjects* // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2016. Сер. 2. История. № 4. С. 69–76.

¹⁷ Кром М. М. Политический кризис 30–40-х годов XVI века (Постановка проблемы) // *Отечественная история*. 1998. № 5. С. 3–19.

¹⁸ Шапошник В. В. Иван Грозный: Первый русский царь. СПб., 2006. С. 46.

и временем реформ 1550-х гг. был все-таки не таким рельефным, как это казалось многим современникам событий (включая самого Ивана Грозного) и как представляется в нынешней историографии¹⁹.

Иван между тем продолжает взрослеть... Следуя своим объективистским (в лучшем смысле этого слова) установкам, историк старается показать, что влияние «несчастливого» детства на последующую судьбу Ивана, а соответственно, и Государства российского не стоит преувеличивать. Наверное, он прав — нельзя всю политику первого российского царя объяснять только детской психологической травмой; но и преуменьшать воздействие детских впечатлений на формирование «взрослого» характера Ивана нельзя. И дело даже не в том, сбрасывал ли он в реальности тех самых несчастных «мелких животных» со стрех кремлевских башен и теремов; и не в том, что убивал он потом далеко не только мучивших его в детстве бояр, а и дворян с крестьянами и горожанами²⁰. Современная психология утверждает, что основы человеческого характера закладываются с самого раннего детства, а жесткость и своеобразие ивановского характера трудно подвергнуть сомнению. В то же время вывод о том, что пишущие современники, да и сам Иван, явно сгустили краски при описании этого злополучного детства и что поведение подростка не так уж и выходило за привычные рамки, выглядит вполне убедительным²¹.

Но вот пришел приснопамятный 1547 г. Как уже отмечалось, Чарльз Гальперин — крупный знаток истории монголов, и его соображения о происхождении царского титула вызывают большой интерес. Вступая в полемику с рядом видных историков, в том числе со своим учителем Михаилом Чернявским — автором известной работы «Хан или базилевс»²², Гальперин доказывает, что эта самая долгоиграющая «реформа» Ивана — венчание на царство, принятие титула царя — не является ни результатом византийского влияния, ни позиционированием себя наследником ордынского хана. Это генеалогически выверенное, но исторически фиктивное наследие киевских правителей — Владимира Святого и Владимира Мономаха²³. Среднестатистическому российскому историку трудно отказаться и от коварных византийцев, и от жестокого ордынского правителя в качестве агентов влияния на возникновение своего царства, но мысль историка весьма интересна...

Обратим внимание и на то, что американская русистика активно обращается к процедуре венчания Ивана IV и Анастасии, в которой сочно отразились языческие еще, по сути, традиции²⁴. Вообще, во внимании к истории повседневности заметен явный приоритет американской науки. В этом смысле интересна глава исследования Чарльза Гальперина, посвященная религиозной жизни при дворе Ивана, грамотности знати²⁵.

Историк уделяет пристальное внимание событиям 1553 г. Он вносит ряд интересных наблюдений в изучение кризиса 1553 г., подвергнув анализу известные

¹⁹ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 33.

²⁰ Ibid. P. 40.

²¹ Ibid. P. 42.

²² Представление об этой работе может дать часть ее в русском переводе. См.: Чернявский М. Хан или базилевс // Из истории русской культуры. Т. 2, кн. 1. Киевская и Московская Русь. М., 2002. С. 442–456.

²³ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 48.

²⁴ Ibid. См. также: Kaiser D. H. Symbol and Ritual in the Marriages of Ivan IV // Russian History. 1987. No. 14. P. 247–262.

²⁵ Kaiser D. H. Symbol and Ritual in the Marriages of Ivan IV. P. 50–56.

интерполяции в Царственную книгу. Тут, конечно, еще надо разбираться, что было «официальным» московским источником во времена Ивана Грозного, но нереальность и лживость интерполяций не подтверждается фактами. Историки должны больше внимания уделить ошибкам, пробелам и противоречиям в этих интерполяциях — тогда можно рассчитывать на более или менее адекватную картину кризиса наследования престола, которую удастся восстановить²⁶. А то, что этот кризис был, ни у Гальперина, ни у авторов этих строк сомнения не вызывает. В любом обществе с монархической формой правления (в России в то время устанавливалась не просто монархия, а самодержавие) смерть правителя в момент, когда его наследник еще не стал дееспособным, всегда была чревата ожесточенной борьбой за власть.

По ходу дела отметим в книге Гальперина два симпатичных для читателя, интересующегося русской историей, момента. Многие явления русской «придворной» жизни в биографии Ивана автор сравнивает с похожими сюжетами европейской истории того же времени. Не все эти сравнения, думается, обоснованны, но все они расширяют кругозор читателя (тем более что не все одинаково глубоко знают русскую и европейскую историю) и заставляют более интенсивно работать мысль. А еще историк прекрасно, как говорят литературоведы, «держит интригу», в данном случае опричную. Всем ясно, что главным событием грозненской эпохи является опричнина, вокруг нее страсти кипят и копья ломаются. Заявив в начале своего труда, что он даст-таки ответ на вопрос о природе этого явления, автор постепенно подводит нас к этому ответу.

Впрочем, в главе «Предыстория опричнины» он идет, что называется, от противного. Весь период, который большинством историков и считается периодом такой предыстории, царь «черту не пересекал». Он разорвал с Адашевым и Сильвестром, чему историки предлагают разные объяснения; возрастающие и становящиеся все более суровыми репрессии были по-прежнему выборочными²⁷. Даже смерть любимой жены, которой историки со времен певца истории Государства российского придавали такое большое значение, не надломила его. Так что предысторию таковой и считать-то нельзя. Если уж искать эту последнюю соломинку, которая сломала спину верблюду, то это бегство Андрея Михайловича Курбского.

Тут, однако, один из авторов этих строк, специально занимавшийся данным вопросом, мог бы предложить и несколько иное решение. Бегство Курбского, конечно, серьезное обстоятельство, но есть ряд и других не менее важных предпосылок столь резкого, на первый взгляд, изменения политики Ивана Грозного: подготовка побега Бельского, опала В. А. Старицкого, убийство бояр Михаила Репнина и Юрия Кашина, а также бессудное убийство князя Дмитрия Федоровича Овчины-Оболенского. Окончательное решение, скорее всего, и было принято как раз после ситуации с Овчиной, когда митрополит Афанасий и придворные обратились к царю²⁸.

Отметим, что историк описывает прежде всего жизнь Грозного-царя, а поэтому и анализ событий его царствования, и внимательное рассмотрение знаменитой

²⁶ *Kaiser D. H.* Symbol and Ritual in the Marriages of Ivan IV. P. 60–61.

²⁷ *Ibid.* P. 67.

²⁸ *Шапошник В. В.* Иван Грозный: Первый русский царь... С. 204–227.

переписки необходимо ему преимущественно для того, чтобы сделать важный вывод именно в плане биографии своего героя: уже взрослого монарха нельзя отлучать от участия в знаменитых реформах 1550-х гг.²⁹ Впрочем, вопрос о роли самого царя Ивана в реформах остается спорным. Тут есть явное противоречие между официальной летописью с одной стороны и «показаниями» Грозного и Курбского с другой. А есть еще и историческая реальность, которую мы вряд ли когда-нибудь узнаем до конца³⁰.

Рисуя портрет грозного царя, Гальперин понимает, что без широкого контекста, социального, экономического и прочих аспектов изображение все равно получится схематичным. Третья часть книги посвящена истории московского государства от времени восшествия на престол Ивана до опричнины. Это краткое, но емкое изложение истории реформ — своего рода срез современного подхода к давней теме исторических штудий. В первую очередь Гальперин повествует о политических институтах и политических реформах, начиная с губных грамот, появившихся в конце 1530-х — начале 1540-х гг. Некоторые наблюдения историка очень интересны, но спорны и нуждаются в дальнейшем изучении. Например, он отказывается считать так называемый собор примирения 1549 г. первым земским собором в России³¹.

Еще более спорным является вопрос об Избранной раде (Chosen Council). Отталкиваясь от исследований последних десятилетий (А. Н. Гробовский, А. И. Филюшкин, И. Ауэрбах), Гальперин отказывается видеть такой институт в политической структуре России того времени, при этом оставляя за ним возможность влиять на политику со стороны Сильвестра и Адашева³². Мы, все-таки считаем, что с определенными оговорками этот термин (Избранная рада) можно оставить для того, чтобы историки продолжали им пользоваться. В книге дана яркая характеристика Судебника 1550 г., однако, полагаем, что автору удалось бы более рельефно показать значение этого этапа в развитии российского права, если бы он привлек давнюю, но очень содержательную работу другого американского русиста — Даниэля Кайзера³³. Отметим еще ряд интересных выводов историка: «тысячная реформа» не создавала прецедента для опричнины; Указ о службе отражал обычное для многих стран того времени представление о соотношении земли и службы и отнюдь не запускал процесс закрепощения высшего сословия в качестве примера для закрепощения всех «социальных классов» в Московии³⁴.

Главы, посвященные церковным реформам (и ересям), а также интеллектуальной и культурной истории интересны прежде всего частыми и оригинальными сравнениями с западноевропейским материалом, свежими суждениями автора. Так, многие историки видят поражение Ивана Грозного в борьбе вокруг церковного землевладения, но ведь царь Иван и не предлагал секуляризации всех церковных земель³⁵. Россия не знала Реформации, тем не менее ряд явлений и процессов, которые шли в русской Церкви, вполне напоминают то, что было на Западе. Имелся

²⁹ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 78.

³⁰ Шапошник В. В. Иван Грозный... С. 137–138.

³¹ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 86.

³² Ibid. P. 87.

³³ Kaiser D. H. The Growth of the Law in Medieval Russia. Princeton, 1980.

³⁴ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 94, 99.

³⁵ Ibid. P. 106.

и свой список запрещенных книг, в основном по астрологии. А вот юродивых (сам феномен «блаженных похабов» возник в Византии) нигде не было: ни в иудаизме, ни в исламе, ни в католицизме, ни в протестантизме³⁶. Обратим внимание на то, что интересные экскурсы в культуру и интеллектуальную жизнь России важны Гальперину прежде всего для того, чтобы показать роль и участие в ней Ивана, вплоть до того, каков был повседневный ритуал царского двора, какие были приняты церемонии, как идеология самодержавства Ивана отражалась в архитектуре³⁷.

Глава 11 («Экономика и экономический менеджмент») грозит стать одной из самых дискуссионных в книге. Правда, это такая могучая дискуссия, которая явно не укладывается в рамки журнальной рецензии. Дело в том, что историк не только постулирует процветание российской экономики накануне опричнины, но и обнаруживает мощные ростки капитализма в России. Конечно, утверждает он, Московия, может быть, и периферийна по отношению к мир-экономике (XVI в.) Иммануила Валлерстайна, но доходы от внешней торговли оказывали глубокое воздействие на ее экономику, денежные отношения бурно развивались рядом с натуральным хозяйством³⁸. Более того, Домострой (Household Management) оказывается пронизанным буржуазной ментальностью³⁹. С такими утверждениями автора трудно согласиться. Он опирается на очень интересную, но спорную книгу смоленского историка Д. П. Маковского и на литературу о развитии торговли в России⁴⁰.

Можно было бы привлечь и ряд других трудов, однако мысль о столь раннем генезисе капитализма в России уже давно подвергнута критике. Сам по себе уровень развития торговли, особенно, внешней, не может свидетельствовать о значительной степени развития капитализма. Что же касается «Домостроя», то Гальперин сам пишет, что православная теология, лежащая в основе этого архаичного сочинения, ничего общего не имеет с кальвинистской моделью⁴¹, но (добавим от себя) и не сближает «Домострой» с веберовской протестантской этикой только потому, что призывает избегать лени, расточительства и хвастовства. Такие человеческие черты ни в каком обществе не приветствуются, вне зависимости от капиталистических тенденций.

Впрочем, экономика в исследовании Гальперина носит вспомогательный характер — мысль о ее процветании важна в связи с рассмотрением разворачивающейся внешней политики Ивана Грозного. С большим интересом прочитали мы главу о «ранней внешней политике». Очень импонирует оценке автором Казанской войны. Историк пишет, что, несмотря на представление современными татарскими историками завоевания Казанского ханства как пример российского империализма, это завоевание произошло в оборонительных целях, ведь казанские татары нападали на московские территории, разоряли их и угоняли людей в рабство⁴². Да, американский историк явно лучше понимает ситуацию, чем «современные татарские историки». Однако такой характер завоевания не лишает нашу историю

³⁶ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 113, 114.

³⁷ Ibid. P. 129–132.

³⁸ Ibid. P. 136, 139.

³⁹ Ibid. P. 140.

⁴⁰ Маковский Д. П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963.

⁴¹ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 142.

⁴² Ibid. P. 159–160.

драматизма, ведь эти историки отражают те или иные тенденции в современном обществе, и какова еще будет судьба Татарии в составе России, какой будет судьба самой России? А то, что Москва не смогла ни крестить, ни унифицировать эти территории, объясняется не только нехваткой ресурсов, но и самим характером московского государственно-крепостнического строя — центру гораздо важнее было получать дань с покоренных земель, чем лишать их местных национально-религиозных черт⁴³.

Но можно ли Ливонскую войну однозначно определить как войну *захватническую*⁴⁴? Вопрос этот столь же непросто, как попытка разобраться в том, что было для России важнее — война с Крымским ханством или война с Ливонией, чем был так озабочен еще Г. В. Вернадский⁴⁵. И у нас нет сейчас возможности разбираться в этом вопросе, но хрестоматийные фразы о нуждах русской торговли и культурных контактах с Западом, которым препятствовала рыхлая, но недоброжелательная Ливония, о чем мы узнавали уже на школьной скамье, как представляется, себя еще полностью не исчерпали⁴⁶.

И вот мы вместе с Чарльзом Гальпериным добираемся до того самого интригующего, ключевого события (цепи событий?) не только в правлении Ивана Грозного, но и, наверное, всей русской истории — печально знаменитой кровавой опричнины. Последний раздел книги как раз ей и посвящен. Событийный ряд историк излагает весьма кратко, что и понятно — уж столько раз это было объектом пристального внимания со стороны сонма историков и литераторов! Хотя и здесь у него есть ряд интересных наблюдений и соображений. Он не доверяет Альберту Шлихтингу в описании расправы над Федоровым-Челяднинным; с сомнением относится и к нарративу, наиболее полно описывающему введение опричнины, — из него ясно лишь отсутствие каких-либо классовых мотивов⁴⁷. Интересны соображения в связи с рейдом на Новгород, собором 1566 г. — вдвойне уникальным, поскольку он, по мысли Гальперина, первый и единственный собор времени правления Грозного. Примечателен взвешенный подход к постулируемому многими военному ослаблению России в результате опричнины.⁴⁸ К эволюции опричнины Гальперин относится традиционно, видя в ее истории три периода: время возникновения, время ответа оппозиции, которую она своим возникновением и создала, и ее самоликвидацию⁴⁹.

Гораздо интереснее для историка объяснение самого феномена опричнины. Гальперин считает, что искать такие объяснения в анализе последствий опричнины или в идентификации ее жертв — очень рискованно. Наверное, так оно и есть. Достаточно вспомнить жаркие споры в российской историографии касательно того, против кого направлен опричный террор.

⁴³ Дворниченко А. Ю. Русская история с древнейших времен до падения самодержавия. М., 2010.

⁴⁴ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 159. — Автор при этом ссылается на работы А. Л. Янова и А. И. Филюшкина.

⁴⁵ Дворниченко А. Ю. Русский историк Георгий Вернадский. Путешествия в мире людей, идей и событий. СПб., 2017.

⁴⁶ И сам Ч. Гальперин пишет о том, что балтийская торговля была очень значима для Ивана Грозного (Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 151).

⁴⁷ Ibid. P. 168–169, 180.

⁴⁸ Ibid. P. 194, 199, 203–205.

⁴⁹ Ibid. P. 206.

Анализируя историографию, Гальперин подразделяет все точки зрения на психиатрические, политические и религиозные. Вывод из этого анализа не очень утешителен: все они не дают адекватного объяснения цели, значения и эволюции опричнины⁵⁰. С этим вполне можно согласиться. В меньшей степени мы согласны с тем, что Гальперин не видит в деяниях Ивана черт юродивости и карнавала⁵¹. Конечно, материя это тонкая — надо понять, чем театральные позы Ивана, которые историк признает за реальность, отличаются от его юродивости⁵².

Историк ясно видит трудности анализа опричнины: менялась опричная территория, открытым остается вопрос о размерах опричного корпуса, современники по-разному относились к этому феномену. С одной стороны, они воспринимали ее как жизненный факт, с другой стороны, как факт криминальный. Ясно одно: без Ивана, его личности, наклонностей, представлений опричнину не понять⁵³. Можно попробовать понять ее, отталкиваясь от образа самого Ивана. Здесь Гальперин опирается на работу своего учителя Михаила Чернявского, который находил три пласта в образе Ивана. Два из них надо воспринимать как своего рода единство и борьбу противоречий: хан — басилевс; святой князь и набожный царь⁵⁴. Третий слой предполагает рассмотрение образа Ивана как ренессансного князя⁵⁵. В таком качестве Иван сопоставим с королями Англии, Франции, Испании и другими деятелями той эпохи. Однако при всем уважении к творчеству Чернявского, Гальперин вынужден был отметить, что в своих сочинениях тот никогда не интегрировал все пласты (слои) этого образа⁵⁶. Можно добавить, что вообще наличие «ренессансного князя» в условиях полного отсутствия Ренессанса, кажется проблематичным.

Впрочем, стремление Чернявского и Гальперина найти истоки опричнины в самой личности правителя представляется вполне убедительным. Гальперин идет дальше Чернявского, призывая учитывать не только культурный контекст, но и контекст социальный. Историки обычно считают опричнину причиной социальной нестабильности времени Смуты, но социальная нестабильность повлияла на трансформацию опричнины в массовый террор и социальный хаос. Историк дает такую логику событий. Иван, чтобы ликвидировать противоречия между разными уровнями своей власти, создал удел — опричнину, в которой он мог бы обладать полной автономной властью. Другими словами, Иван имел, так сказать, персональную цель для установления опричнины, но ее создание вызвало неожиданные последствия. Фактически, создав оппозицию в стране, Грозный вызвал и сопротивление. Следствием было обращение к массовому террору, который, кстати, не превосходит уровень насилия в других странах: религиозных войн во Франции, Крестьянской войны в Германии, подавления Англией ирландских восстаний, а Габсбургами — нидерландской революции и др. Но там направленность насилия

⁵⁰ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 178.

⁵¹ Ibid. P. 180–182.

⁵² Сходство и различие поведения Грозного с поведением юродивого обсуждаются в работе: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопросы литературы. 1977. № 3. С. 163–165.

⁵³ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 187.

⁵⁴ Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1959. P. 459–476.

⁵⁵ Cherniavsky M. Ivan the Terrible as a Renaissance Prince. // Slavic Review. 1968. No. 27. P. 195–211.

⁵⁶ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 213.

понятна, а в Московии — нет. Отсюда и ощущение исключительности этого насилия.

Обратившись к массовому террору, Иван невольно взорвал то социальное напряжение, которое накопилось в стране более чем за столетие территориальной экспансии, государственного строительства и социальной мобилизации. Продолжая свои наблюдения, историк дает емкий очерк социальной иерархии в России времен Грозного⁵⁷. Эта мобилизация явно противоречила толерантности традиционного российского общества. «Синергетический интерфейс опричнины с деструктивными последствиями московитского социального сдвига произвел массовую опричную социальную дисфункцию, социальную патологию, в которой исчезли нормальные нормы ограничения антисоциального поведения», — приходит к выводу исследователь⁵⁸.

Перед нами достаточно сильное и логичное объяснение опричнины, которое займет достойное место в историографии, наряду с другими объяснениями. Правда, исследователь отмечает, что процесс неконтролируемой мобилизации в московском обществе начался гораздо раньше, еще в конце XV в., когда Московия встала на путь широкой программы социальной инженерии. Значит, началось это до Грозного, но Иван, действительно, мог интенсифицировать этот процесс своей опричниной. Однако возникает вопрос, насколько бессознательно он это делал, не имел ли он сам в виду эдакую социальную встряску своего царства с целью усиления своей власти, которую по праву назовут *самодержавной*? Этот вопрос влечет за собой другой: насколько все-таки подобные мрачные явления и процессы повлияли на последующую историю России? Ну и, конечно, извечный вопрос в продолжение: как быть со Сталиным? Гальперин осторожно уходит от таких вопросов, по-видимому избегая публицистичности. И это можно понять. Одному из авторов данных строк уже приходилось писать о сложности изучения архаических традиций в ткани уже новой и новейшей истории, да еще на грани разных наук⁵⁹. И все-таки история России неразделима, а поскольку нынешний период — причудливая смесь царской и советской эпох, хотелось бы узнать мнение такого специалиста, как Гальперин, о влиянии правления Грозного на последующую российскую историю.

В первую очередь Гальперин пишет портрет нашего первого царя. Вот почему он столь внимательно отнесся и к послеопричному периоду — времени с 1572 по 1584 г. Все важнейшие сюжеты его царствования в это время нашли краткое, но емкое отражение в книге. В конце своего труда автор отмечает, что он предложил новые ответы на старые вопросы, определил те вопросы, которые уже не нуждаются в обсуждении и сформулировал некоторые новые вопросы. К этому скромному определению авторского вклада в науку вполне можно добавить поздравления в адрес, как у нас принято выражаться, сообщества (в данном случае исторического) и тех, кто интересуется историей Руси-России. Мы получили очень интересную, неординарную книгу — плод многолетних раздумий и разысканий историка, который любит, знает и уважает очень непростую и драматичную историю нашей страны.

⁵⁷ Halperin Ch. J. Ivan the Terrible... P. 216–234.

⁵⁸ Ibid. P. 236.

⁵⁹ Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, вып. 2. С. 636–647.

References

- Cherniavsky M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Medieval Political Theory. *Journal of the History of Ideas*, 1959, pp. 459–476.
- Cherniavsky M. Ivan the Terrible as a Renaissance Prince. *Slavic Review*, 1968, no. 27, pp. 195–211.
- Cherniavskii M. Khan or basileus. *Iz istorii russkoi kul'tury*. Vol. 2, bk. 1. Kievskaiia i Moskovskaia Rus'. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 442–456. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russian history from ancient times until the fall of the autocracy*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2010, 944 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. *Russian historian George Vernadsky. Traveling in the world of people, ideas and events*. Saint Petersburg, Evrazia Publ., 2017, 724 p. (In Russian)
- Dvornichenko A. Yu. Stalinism, Boyars and the Russian Tradition. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2018, vol. 63, iss. 2, pp. 636–647.
- El'ianov E. M. *Ivan the Terrible — creator or destroyer? The study of the problem of the subjectivity of interpretation in history*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004, 216 p. (In Russian)
- Froyanov I. Ya. *Drama of Russian History: On the Ways to Oprichnina*. Moscow, Parad Publ., 2007, 954 p. (In Russian)
- Halperin Ch. J. *Ivan the Terrible. Free to Reward & Free to Punish*. Ed. by Jonathan Harris. Pittsburgh, University of Pittsburg Press, 2019, 365 p. (Russian and East European Studies)
- Halperin Ch. J. Ivan IV as Autocrat (samoderzhets). *Cahiers du monde russe*, 2014, vol. 55, pp. 197–213.
- Halperin Ch. J. Ivan IV Consults his Elite Subjects. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2016, iss. 4, pp. 69–76.
- Kaiser D. H. Symbol and Ritual in the Marriages of Ivan IV. *Russian History*, 1987, no. 14, pp. 247–262.
- Kaiser D. H. *The Growth of the Law in Medieval Russia*. Princeton, Princeton University Press, 1980, 308 p.
- Khoroshkevich A. L. About Whiskey his time and timelessness. *Russia Mediaevalis*, 2001, issue 10, pp. 273–302. (In Russian)
- Krom M. M. Political crisis of the 30–40s of the 16th century (problem statement). *Otechestvennaia istoriia*, 1998, no. 5, pp. 3–19. (In Russian)
- Lotman Yu. M., Uspenskii B. A. New aspects of studying the culture of Ancient Russia. *Voprosy literatury*, 1977, no. 3, pp. 148–167. (In Russian)
- Madariaga I. de. *Ivan Terrible. First Russian Tsar*. Moscow, Omega Publ., 2007, 605 p. (In Russian)
- Makovskii D. P. *The development of commodity-money relations in agriculture of the Russian state in the XVI century*. Smolensk, Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut im. K. Marksa Press, 1960, 239 p. (In Russian)
- Maniagin V. G. *True Terrible King*. Moscow, ECSMO Publ., Algoritm Publ., 2006, 256 p. (In Russian)
- Mut'ia N. N. *Ivan the Terrible: Historicism and the Personality of the Ruler in Russian Art of the 19th–20th Centuries*. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 2010, 495 p. (In Russian)
- Platt K. M. F. *Terror and Greatness: Ivan and Peter as Russian Myths*. Ithaca, Cornell University Press, 2011, 294 p.
- Shaposhnik V. V. *Ivan the Terrible: The First Russian Tsar*. St. Petersburg, Vita Nova Publ., 2006, 496 p. (In Russian)
- Shaposhnik V. V. Another biography of the first Russian Tsar. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, iss. 2, pp. 786–794. (In Russian)
- Skrynnikov R. G. *Correspondence of Grozny and Kurbsky. The Paradoxes of Edward Kennan*. Leningrad, Nauka Publ., 1973, 136 p. (In Russian)
- Tyurin A. V. *War and Peace of Ivan the Terrible*. Moscow, Iauza Publ., ECSMO Publ., 2009, 480 p. (In Russian)
- Ushakov A. G. *Ivan the Terrible. Blood godliness*. Moscow, Martin Publ., 2017, 544 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2019 г.

Рекомендована в печать 12 марта 2020 г.

Received: December 24, 2019

Accepted: March 12, 2020